

ГЕОРГ ЗИММЕЛЬ И ВЛАДИМИР ЯНКЕЛЕВИЧ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

М.А. Малышев

Малышев Михаил Алексеевич — кандидат философских наук, профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико (Мексика)

«Когда человек, нанимающийся на работу, заполняет служебную анкету, то он не упоминает о своих любовных приключениях, ибо это не интересует администрацию; он подробно расписывает свои занятия, связанные с местом, на которое он претендует, перечисляет накопленные им награды и заслуги, но никто не просит его назвать имена женщин, с которыми он имел любовные приключения, хотя именно они-то и являются самыми важными и значительными событиями в его жизни».

Владимир Янкелевич.

В русском языке существует множество лексических средств, перешедших в него из других языков, которые вместе с исконно русскими словами образуют лингвистический арсенал, употребляемый в качестве синонимов или весьма близких по своему значению смысловых оттенков. Здесь важно отметить, что в определенных речевых контекстах мы можем употреблять слова славянского и неславянского происхождения в качестве семантических эквивалентов, как например, «мощный мотор» и «мощный двигатель», «социальный смысл» и «общественный смысл», «амурные связи» и «любовные связи», а в других, увы, наш речевой слух сопротивляется этой синонимии. Так, например, мы говорим: международное положение, но не «интернациональное положение», по-стороннее царство, но не «трансцендентное цар-

ство»; первый двигатель, но не «первый мотор».

Еще сложнее дело обстоит с такими понятиями как «приключение» и «авантюра». В определенных речевых контекстах они употребляются в качестве синонимов. Хотя и с некоторой долей натяжки, можно считать смысловыми эквивалентами такие выражения как: «любовное приключение» и «любовная авантюра», «приключенческий роман» и «авантюрный роман», законно подозревая, что слово «авантюра» заключает в себе гораздо большую долю легковесности, неоправданной рискованности и моральной двусмысленности, нежели русское слово «приключение». У нас просто язык не поворачивается образовать такое словосочетание как «героическая авантюра», разве что в каком-либо ироническом смысле, зато мы ничуть не ставим под сомнение семантическую легитимность выражения «героическое приключение».

Перейдя в русский из латинских языков, слово «авантюра», потеряла позитивную часть своего смысла и приобрело значение легковесного и двусмысленного поведения. Сложилась парадоксальная ситуация: в латинских и саксонских языках слово «авантюра» больше соответствует русскому слову «приключение», чем внешне созвучному ему заимствованному термину. То же самое относится и к таким производным словам как «авантюрный» и «авантюрист», которые в латинских и саксонских языках отнюдь не всегда несут в себе семантический оттенок легковесности или неоправданного риска, какой они имеют в русском языке. Поэтому французское *aventure*, итальянское *avventura*, испанское *aventura*, английское *adventure* и немецкое *Abenteuer*, производные от латинского *adventurus*, целесообразнее, на мой взгляд, переводить на русский язык словом «приключение», и только там, где преобладает иронический оттенок значения или там, где речь идет о поведении внешне сходном с приключением, но направленном исключительно на обогащение, употреблять слово «авантюра». Если в русском языке мы не можем всех искателей приключения зачислить в разряд авантюристов, хотя некоторые из них, несомненно, к таковым относятся, то в романских и саксонских языках искателя приключения именуют не иначе как *aventurier*, *avventuriere*, *aventurero*, *adventurer*, *Abenteuerer*.

Это небольшое лингвистическое разъяснение мне понадобилось в качестве введения для описания смысла феномена «приключения» как специфической формы поведения и переживания человека в некоторых контекстах его жизни.

Насколько мне известно, анализу понятия *приключения* посвящено немного работ как в отечественной, так и в зарубежной философской мысли. Исключение тут, пожалуй, составляют два пре-

восходных эссе. Автором первого из них является выдающийся немецкий философ Георг Зиммель (1858-1918), опубликовавший в 1911 году небольшой очерк о *приключении* в своем известном сборнике *Философия культуры*. Вторая работа аналогичного названия принадлежит перу известного французского философа Владимира Янкелевича (1903-1985), выпустившего в 1963 году книгу под названием *Приключение, скука, серьезность*. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы дать экспозицию смысла феномена приключения, очертить сферу его проявления и описать формы его переживания, опираясь на анализ упомянутых выше эссе. С целью избежать повторений и сделать обзор более кратким, я решил объединить изложение идей обоих мыслителей, сделав акцент на раскрытии самых существенных моментов в их трактовке данной темы.

С точки зрения Зиммеля, приключение — это неотъемлемое явление жизни, которое имеет место, «приключается» в специфических ее контекстах. Когда жизнь течет плавно и размеренно, то события, составляющие содержание ее потока, как бы органически перетекают друг в друга; одно заканчивается, а другое начинается, следуя привычному ритму: утром мы встаем в определенный час, завтракаем, идем на работу, после работы, нас ждет отдых, потом наступает время ужина, затем мы смотрим телевизор или выходим на прогулку, чтобы в урочное время лечь спать. Переживание приключения, напротив, не зависит от «до» и «после» привычной чреды событий. Когда течение размеренного потока прерывается, когда в него вторгаются «необычные» явления, которые изменяют установленный ритм и направление нашей жизни, «выносят» нас за пределы налаженного существования и переносят центр нашего внимания на эти «странные» для нас феномены, то именно тогда данный фрагмент нашей жизни начинает переживаться нами как приключение. Последнее мы склонны воспринимать как «оазис» или «жизненный остров», размеры и конфигурация которого определяются силой наших аффективных переживаний.

Чем более необычным является приключение, чем сильнее оно отклоняет нас от проторенных троп повседневной жизни, тем с большей глубиной укореняется в нашем существовании. Порой нам даже кажется, что это не мы, а кто-то другой переживал за нас эти экзотические события.

Если в своем анализе Зиммель не проводит различия между профессионалом авантюры и искателем приключения, то Янкелевич считает, что эта дистинкция является определяющей для феноменологической дискрипции данного типа поведения и переживания человека. Французский философ утверждает, что, если для искателя приключения, последнее — это стиль жизни, то для авантюриста оно — средство наживы, предлог для заработка и не более. Для авантюриста приключение — не самоцель и не средство для приобретения экзотического опыта, а просто рискованная «работа», направленная на извлечение прибыли. Если бы авантюрист располагал более эффективным и простым способом приобретения денег, то он охотно отказался бы от всякого риска, связанного с авантюрой. Если для авантюриста приключение — это «бизнес», балансирующий на грани дозволенного и недозволенного, что-то вроде спе-

куляции на «черном рынке», то для искателя приключения последнее — это эйфорический вызов опасности, способность добровольно пойти на риск с целью испытать себя в момент, чреватый различными возможностями, исход которых заранее не предопределен.

Как для Зиммеля, так и для Янкелевича отличительная черта приключения состоит в его открытости будущему, отмеченному печатью загадки и неопределенности. Будущее придет, желанный день наступит, сомнения в этом нет и быть не может. Другое дело каким будет этот день: солнечным или пасмурным, веселым или печальным? А может так случится, что, когда этот день наступит, то уже не будет никого, кто мог бы его встретить. Именно в этом смысле будущее — это загадка сфинкса, наша неизбежная судьба, венчаемая смертью; но модус будущего — это возможность, которая может быть такой, а может быть и другой, что в свою очередь открывает нам надежду, достижение которой в какой-то мере зависит от нашей воли. Как пишет Зиммель, «искатель приключений только отчасти доверяет своим силам, больше всего он надеется на свою судьбу» (Georg Simmel. *Sobre la aventura. Ensayos filosoficos*. Barcelona, 1988, P.18.).

С точки зрения Янкелевича, приключение — это стиль жизни, вписанный в пространство между серьезным делом и игрой; ибо серьезная игра есть игра с серьезным, тогда как, «чистая игра», замкнутая на себя и не подстрекающая игрока к чему-то серьезному, — это просто-напросто скучное занятие, иногда более нудное и тягостное, чем самая «серьезная» серьезность. Если из приключения исключить элемент игры или изъять элемент серьезности, то оно перестанет быть приключением и сведется в первом случае к скучному развлечению, а во втором — к трагедии. «Искатель приключения одновременно находится вне драмы в качестве ее актера и внутри драмы в качестве ее агента, вложенного в мистирию собственной судьбы» (Vladimir Jankélévitch. *La aventura, el aburrimiento, lo serio*. Madrid, 1989, P. 16.).

В начале искатель находится вовне, а не внутри приключения, но вот он принял решение и «вошел вовнутрь», скажем, начал восхождение на Эверест, а значит сознательно пошел на риск, решил подвергнуть себя опасности, за которой, как ему известно, его может подстергать смерть. А смерть, как не крути, — дело весьма серьезное. «В один прекрасный день человек принимает решение зойти на Гималаи. Никто не принуждает его к этому рискованному занятию. Человек обязан платить налоги, нести военную повинность и исполнять какую-либо службу, иными словами, он должен заниматься «серьезными делами»; но взбираться на Эверест, к этому его решительно никто не обязывает. В начале приключение предстает как самочинное решение, и, как всякий добровольный и спонтанный акт, он отнюдь не лишен эстетической привлекательности. Но вскоре искатель приключения сталкивается с серьезным риском, который угрожает ему гибелью. Альпиниста, по доброй воле оставившего свою семью и привычные занятия, застигла снежная буря на склоне Эвереста. Он, конечно, уже раскаялся в том, что принял решение отправиться на Гималаи, но, увы, уже слишком поздно предаваться сожалениям и идти на попятную. И тогда, с целью спасти свою

жизнь, он начинает вести игру ва-банк» (Ibid., PP.17-18.). Именно с этого момента приключение перестает быть приключением и превращается в трагедию.

Иногда, как это бывает в веселых кинокомедиях, в приключение ввязываются поневоле, однако, несмотря на все смешные перипетии, завершается оно, как правило, «легкой прогулкой». Гораздо чаще приключение начинается как игра, развитие которой приводит к тому, что его искатель не знает как, когда, где и чем она закончится. «Приключение начинается как фривольность, затем превращается в серьезное событие, а завершается трагедией» (Ibid., P. 18.). В конце концов, именно смерть угрожает всякой игре случая, всякому *ludus(y)*, встроенному в приключение. Каким бы невинным и безопасным предприятием оно на первый взгляд нам ни казалось, приключение только тогда может быть названо таковым, когда оно содержит в себе какую-то малую, пусть едва различимую гомеопатическую дозу угрозы смерти.

Именно эта отдаленная возможность смертельной опасности и сообщает приключению *пряный вкус*, превращает его в *пикантное занятие*. Смерть — это самая страшная угроза из всех возможных угроз, которой подвержена жизнь человека. В известном смысле само ожидание смерти — это приключение, растянутое на целую человеческую жизнь...

Приключение — это анклав «малой жизни», в котором преобладают беззаботность, игра, приключения, фантазия и страсть, вклинившийся в материк «большого бытия», где доминируют работа, серьезность, ответственность и порядок. «Жил да был бедный чиновник, который постоянно ходил из дома на службу по одной и той же дороге. Но вот однажды, шагая по обычному маршруту своей серьезной жизни, он натолкнулся на женскую улыбку и вместо того, чтобы по привычке завернуть за угол или как обычно спуститься в метро, он сделал круг. Его приключение в чем-то напоминает движение атомов Эпикура, перемещающихся по параллельным прямым в пустоте. Если бы эти атомы вечно двигались параллельно друг другу, то тогда ничего нового бы на свете не происходило. Чтобы что-то приключилось, необходимо, чтобы атом отклонился, чтобы он «захотел» жить собственной жизнью, двигаясь по траектории, отличной от того маршрута, по которому движутся все остальные атомы. Нужна встреча, которую эпикурейцы называют отклонением. В один прекрасный момент атому надоедает (неизвестно почему) двигаться параллельно другим атомам и он совершает круг... То же самое происходит и с зигзагом страсти бедного чиновника на его привычном пути на службу. Как отклонение дает началу космогоническому

процессу и вносит свет в реальный мир, так и встреча дает толчок событиям, образующим конфигурацию реальной истории, возбуждает эмоции и вносит страсти в реальную жизнь. Разве эта жизнь — скучное прозябание клерка? Нет, нет, это не жизнь! Жизнь начинается тогда, когда что-то приключается, когда происходит событие... Встреча и описанный круг стали причиной, из-за которой бедный влюбленный стал все чаще и чаще опаздывать, и наконец, наступил момент когда он вообще перестал появляться в конторе. Из галантного похождения приключение превратилось в трагедию: влюбленного чиновника уволили со службы. А может быть он женился на носительнице улыбки, встреченной им на пути в контору. В любом случае приключение вторгнулось в жизнь; вторая жизнь стала первой и, как знать, может быть даже и единственной» (Ibid., P. 36.).

Когда любовный флирт заканчивается свадьбой, то ощущение веера возможностей, когда мы можем, если захотим, свободно вернуться к началу, вязнет в зыбучих песках «продолжения», которое кладет конец приключению, погружая нас в повседневную серьезность брака и семьи. Любовное приключение вводит в наше размеренное существование, подчиненное добычанию средств к жизни или мотивам целесообразности, патетический восторг и фантазию; оно как бы напоминает нам, что иерархические барьеры, хотя и существуют, не являются чем-то фатально непреодолимым; приключение, пусть и на короткое время, уравнивает вышестоящих с нижестоящими, дает бедной пастушке надежду выйти замуж за миллионера, а скромному чиновнику мечту покорить сердце надменной аристократки.

Приключение выводит наружу, скрытые за завесой монотонной жизни или спящие до поры и до времени в блаженном неведении возможности, чтобы однажды его искатель мог воспрянуть ото сна повседневного бытия, изведать свои силы и поймать за хвост миг удачи...

Приключение и серьезная жизнь не всегда отделены друг от друга непроходимым барьером времени и пространства. Сама жизнь воспринимается как приключение тогда, когда человек смиренно приемлет череду дней и ночей, когда он воздаст хвалу первому лучу, выглянувшему из-за туч солнца и радуется приходу новой весны. Когда благодарность за этот непредвиденный дар делает его восприимчивым к радостному приходу чего-то *отличного*, то, исполненный удивления, он оказывается способным обнаружить подобные приключения даже в самых заурядных событиях своей жизни; он находит его даже тогда, когда утром раздвигает шторы на окнах и благодарит свою судьбу за то, что она позволила ему дожить до зари нового дня.